

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ ФИНАНСИСТОВ (на примере Дальнего Востока, середина 1940-х – начало 1960-х гг.)

*Работа представлена отделом социально-политических исследований
Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Ващук*

Воссоздание образов чиновников, отмеченных внешними атрибутами государственной финансовой службы и знаками профессиональной принадлежности Министерству финансов СССР, позволяет исследовать взаимоотношения партийных и финансовых органов в процессе реализации фискальной политики, сложившиеся в процессе реализации фискальной политики на Дальнем Востоке России.

Overall study of theoretical and practical issues of the Soviet fiscal policy aimed at mobilisation of economical resources helps to investigate the postwar period more thoroughly. Description of staff attributes and uniform in the Ministry of Finance shows the interrelation between people at the top and their subordinates.

В послевоенные годы Министерства финансов СССР и РСФСР через Главные управления и местные финансовые отделы исполкомов Советов народных депутатов трудящихся мобилизовали доходы в государственную казну и проводили социальные мероприятия: контролировали выплаты пособий многодетным и одиноким матерям через сеть сберегательных учреждений региона. В те годы женщины, родившие и воспитавшие 10 детей и более, награждались орденом «Мать-героиня», а родившие 9, 8, 7 детей – орденом «Материнская слава» соответственно I, II и III степени. В начале 1950-х гг. размеры таких выплат на Дальнем Востоке составляли примерно 1% суммы годовых поступлений по налогу с оборота в бюджет от предприятий региона или 5% суммы этого вида выплат в целом по стране¹.

Система Министерства финансов СССР включала огромное количество должностей. Число сотрудников финансовых структур Дальнего Востока составляло примерно 1100 человек, или 1% от численности финансистов в целом по стране².

Социальная мобильность руководителей всех рангов, в том числе и финансовых структур в Дальневосточном регионе, зависела от номенклатурных неписаных правил,

а процедура назначения на должности в финорганы была связана с оформлением групповых интересов партийного аппарата. На руководящие должности в финансовые органы регионов, в том числе и Дальнего Востока, как правило, выдвигались партийные работники, но руководителями высшего звена назначались опытные специалисты-финансисты. Нормами профессиональной деятельности этой группы государственных служащих были вера в систему продвижения по службе, специальные знания и высокая степень исполнительности. Политическая социализация этой профессиональной группы проходила под особым контролем партноменклатуры³.

Социализация в данной статье рассматривается автором как одна из форм сохранения установленного политического режима в обществе и эффективное средство формирования политических личностей. Она облегчает трудности принятия решений финансистами при исполнении ими служебных обязанностей и усиливает внутренний контроль государственных чиновников за своим поведением.

Победа в войне и патриотический подъем населения создали благоприятные условия для укрепления государственных институтов, значимость которых партий-

ное и советское руководство страны подчеркнуло внешними атрибутами. Государственную важность работников системы Министерства финансов СССР политическое руководство отметило формой серо-зеленого цвета (берет, китель, юбка или брюки, шинель) и знаками различия (рис. 1). Эта униформа полагалась и работникам сберегательных учреждений. Для служащих высшего,

Рис. 1. Форменная одежда финансистов

старшего и среднего состава устанавливались сроки ношения «обмундирования»: от 1 года (форменные ботинки) до 4 лет (зимнее пальто и шапка), что вполне соответствовало советскому социальному нормированию. Правительство считало, что обмундирование и знаки различия способствуют повышению авторитета руководящего и административного состава Министерства финансов СССР, а также укреплению трудовой дисциплины в низовых звеньях финансовой системы.

Форменная одежда визуально выделяла представителей государственной власти из общей массы населения и подчеркивала социально-политическую роль данной группы чиновников. Мундиры (от *fr. monture* – снаряжение, амуниция. Зеленый цвет мундира финансистов традиционно был связан с банковским промыслом. Например, еще в VIII в. скамьи в банках покрывали зеленым сукном.) указывали на принадлежность работников к финансовым

структурам и на старшинство (ранг), в целом отражая ценностные ориентиры и эстетические представления послевоенного времени. Форменная одежда выступала как знак, символ, способствующий включению индивида в определенную форму взаимодействия с окружающими людьми.

В 1949 г. Президиум Верховного Совета СССР установил знаки различия для обозначения персональных званий, которые стали символическими атрибутами социально-политического ранжирования (рис. 2). Петлицы на воротнике мундира финансиста выполнялись из темно-зеленого бархата дли-

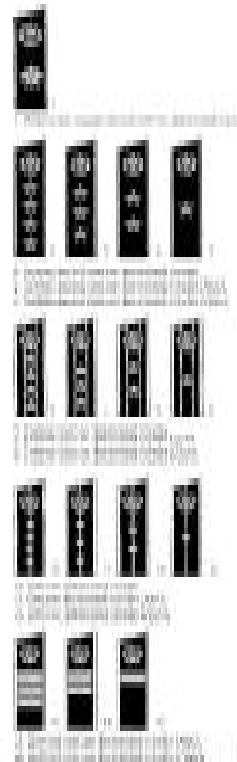

Рис. 2. Знаки различия работников системы Министерства финансов СССР

ной 8–9 см, шириной 3 см и окантовывались темно-коричневым приборным сукном. *Генерального государственного советника финансовой службы* отличала петлица с вышитой позолотой звездой размером 25 мм. Петлицы *государственного советника финансовой службы* и *советников финансовой службы I, II и III рангов* украшали соответственно званию 4, 3, 2 и 1 позолоченные звезды размером 20 мм каждая, *старшего*

советника финансовой службы и старших советников финансовой службы I, II и III рангов – соответственно 4, 3, 2 и 1 позолоченные звездочки размером по 15 мм. На петлице *советника финансовой службы и советников финансовой службы I, II и III рангов* – 4, 3, 2 и 1 позолоченные звездочки размером 12 мм. Для *младших советников финансовой службы I, II и III рангов* петлицы украшались позолоченным гербом СССР и соответственно званию прикреплялись 3, 2 и 1 нашивки из золотого галуна шириной в 1 см.

В послевоенные годы мундир вновь стал повседневным атрибутом этой группы государственных служащих. Он отражал мобилизационный характер государственной фискальной политики, олицетворял принадлежность финансистов к государственным структурам и способствовал формированию особого поведенческого стиля данной группы чиновников. Министр финансов СССР военных и послевоенных лет А. Г. Зверев писал в своих воспоминаниях: «Наша работа постепенно воспитывает в человеке разумную жестокость, расчетливость. Нередко за глаза нас так и называют: “финансовые сухари”. Но мы не обижаемся за это прозвище. За ним стоит верность государственному долгу, чувство высокой ответственности, любовь к четкости и ясности. Без этих качеств хороший финансовый работник невозможен»⁴.

Форменная одежда была важным инструментом социально-политического контроля, являвшегося основой политической социализации⁵. Карьерный рост чиновников, в том числе и финансовых специалистов, определялся их социальной идентификацией с государственной системой, что выражалось в безусловном требовании принимать официальную идеологию и систему ценностей «советского человека», безоговорочном признании государственно одобряемых верований, суждений и оценок. Политическая сознательность и активность финансистов особо учитывались при последующем присвоении персональных зва-

ний. В состав специальных аттестационных комиссий входили партийные работники и финансовые специалисты-фронтовики, которые были наиболее активным звеном финансовых структур Дальнего Востока, как и в целом по стране в послевоенные годы. Они пользовались авторитетом и уважением в финотделах региона, выдвигались на руководящие должности, были общественниками и пропагандистами в коллективах.

Продвижение финработников по служебной лестнице, как правило, сопровождалось демонстративным укреплением их политической лояльности и твердым стремлением повысить свой статус в обществе. Это подтверждают факты из жизни финансовых коллективов региона⁶. Так, в 1954 г. в Хабаровске на региональном совещании работников сберкасс обсуждался вопрос обеспечения кадрами дальневосточных финансовых органов. Начальник оперативного отдела управления ГТСК и ГК Якутской АССР Еникеев назвал причиной высокой текучести кадров в сберкассах низкие ставки заработной платы и необеспеченность работников бесплатными пайками. А. А. Стефанюк (начальник оперативного управления ГТСК и ГК Камчатской области) и И. Т. Худяков (начальник оперативного управления ГТСК и ГК Нижнеамурской области) – отсутствие жилого фонда и форменной одежды у аттестованных работников⁷. Пайки были эффективным приемом социализации и признаком принадлежности к партийно-советской номенклатурной иерархии, а униформа позволяла финработнику идентифицироваться с данной группой государственных служащих. Кроме того, удорожание жизни в Дальневосточном регионе в послевоенные годы формировало у людей предпочтение реальных благ, а не высоких номинальных окладов. Таким способом эта группа управленцев претендовала на подтверждение своего статуса в обществе, символические знаки которого (мундир, знаки различия) имели для финансовых работников не меньшее значение, чем материальные.

Символические атрибуты были элементами формального кодекса поведения финработников⁸ и, несомненно, производили значительное внешнее впечатление, но еще не гарантировали должного исполнения социальных ролей. (Социальная роль – шаблонный вид поведения, направленный на выполнение прав и обязанностей, предписанных конкретному статусу.) Партийные органы Дальнего Востока обеспечивали ролевую идентификацию, контролируя идейно-политический уровень финансистов и подчиняя их повседневную жизнь общему политическому порядку. Особое внимание уделялось молодежи, которая в 1950-е гг. вливалась в коллективы финорганов региона и приобретала опыт путем наставничества, технической и экономической учебы. Молодые специалисты обязаны были ежедневно расширять свой политико-экономический кругозор. «Удачники» направлялись на учебу в Вечерние университеты марксизма-ленинизма. Четверть коллективов финансовых структур «самообучалась» по программам заочных отделений средних и высших финансовых учебных заведений, все работники посещали лекции, рекомендованные РК КПСС.

Таким образом, в послевоенные годы мировоззрение финансовых специалистов и их профессиональное поведение формировались по общим правилам официальной идеологии, а главным средством воспитания был социально-политический контроль. Система воздействия на массовое сознание была хорошо продумана за счет постановки на учет комсомольцев и членов партии финансовых структур в соответствующих организациях региона. У всех воспитывалось чувство коллективизма и одновременно персональной ответственности как за дела предприятия и учреждения, так и за собственное поведение на работе, в быту, в обществе. Действенность внешнего социально-политического контроля руководство страны усилило внутренним самоконтролем.

Партийные органы оценивали поступки финработников, оперируя понятиями

профессионально-этического содержания, такими как «честь» и «долг», а также системой вознаграждений и наказаний. Несмотря на установку на идейно-политическую благонадежность, руководство страны высоко ценило профессиональные качества в области финансов, а точность профессионального мышления стала нравственной обязанностью каждого финработника при исполнении им служебного долга. Положительными характеристиками финансовых специалистов считались: профессионализм, дисциплинированность, исполнительность, заинтересованность в работе, усидчивость, инициатива, стремление к повышению специальных и политических знаний. Все проступки, совершаемые финработниками, как это было принято в СССР, обсуждались на открытых заседаниях финансовых отделов исполкомов⁹.

Таким образом политическая социализация, представляла собой своеобразный кумулятивный процесс, в ходе которого накапливались профессиональные навыки финработника, а внешняя атрибутика приходила в полное соответствие с профессиональным поведением чиновника. Быстрота и неотвратимость наказания, в том числе увольнения (как формы социального контроля), поддерживали атмосферу исполнительности в финансовых коллективах Дальневосточного региона.

Политическое руководство страны контролировало доли профессиональных групп – партийных и финансовых руководителей в организациях региона, тем самым обеспечивая стабильность в структурах управления и позволяя финансистам превращаться в ведущую страту учетной номенклатуры. Во второй половине 1950-х гг. финансовые структуры Дальнего Востока были практически полностью политизированы. На руководящие должности в регионе назначались преимущественно кадры с высшим или незаконченным высшим образованием и опытом работы в финорганах более 5 лет, 2/3 из них были партийными и комсомольскими лидерами¹⁰. Сберкассы

Дальнего Востока были укомплектованы на 83% женщинами, треть из которых были членами КПСС (в том числе кандидатами) и ВЛКСМ. Высшее образование имели 1% работавших в сберкассах, среднее специальное и незаконченное высшее – 20%. Половина из них ранее работали в финорганах, 20% – не имели опыта работы¹¹. В целом образовательный уровень финансистов соответствовал среднему показателю по Дальневосточному региону¹² и мало отличался от образовательного ценза по стране¹³. В послевоенный период уровень квалификации финансовых специалистов, как и руководящих кадров в промышленности и транспортной отрасли, заметно вырос. Важным фактором для Дальнего Востока было то, что политическое руководство страны, планомерно расширяя сеть финансовых структур и сберегательных учреждений, успешно решало проблему занятости женщин, обусловленную спецификой отраслей специализации региона.

Политические события, связанные с приходом к власти послесталинского руководства, отразились на деятельности финансовых органов в регионе. В 1954 г. форма была отменена, но требования к мужской одежде финработников сохранились до начала 1960-х гг.: пиджак и брюки од-

нотонные, рубашка с длинным рукавом и темный галстук.

В конце 1950-х гг. финорганы Дальнего Востока оставались основными поставщиками оперативной информации для органов власти в области движения денежных потоков. Высшее политическое руководство страны контролировало семейные бюджеты дальневосточников через финансовые структуры региона и планомерно увеличенную сеть сберегательных касс. Все отклонения, выявленные в финансовой сфере, оперативно регулировались на местах указаниями из центра.

Таким образом, в послевоенные годы в процессе политической социализации как в целом по стране, так и на Дальнем Востоке партийно-советским руководством была воспитана многотысячная армия финансистов, которые активно участвовали в формировании доходной части государственных бюджетов, обеспечивая гибкость консервативной финансовой системы, и отвечали за проведение социальной политики в регионе. Информация о профессиональной деятельности данной группы государственных служащих для большей части общества, в том числе и дальневосточного, была закрытой, что объяснялось стратегической важностью советской фискальной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАПК. Ф. 401. Оп. 5. Д. 10. Л. 144.

² ГАСО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 19. Л. 27; Д. 241. Л. 298; Д. 373. Л. 4–6.

³ *Доган М., Пеласси Д.* Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. М., 1994. С. 114.

⁴ *Зверев А. Г.* Записки министра. М.: Политиздат, 1973. 270 с.

⁵ *Кравченко А. И.* Социология. М.: Фонд «Мир», 2003. С. 118.

⁶ ГААО. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 546. Л. 4.

⁷ ГАХК. Ф. Р-1392. Оп. 4. Д. 25. Л. 5, 40.

⁸ *Фролов С. С.* Социология. М.: ГАРДАРИКИ, 2004. С. 128.

⁹ ГАХК. Ф. Р-389. Оп. 4. Д. 35 а. Л. 92–93.

¹⁰ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 241. Л. 274–276.

¹¹ Там же. Д. 124. Л. 6–6 об.

¹² *Борчанинова В. Е., Чернолуцкая Е. Н.* Формирование населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке СССР (40-е – 60-е годы). Владивосток, 1991. С. 56–57.

¹³ *Аксютин Ю. В.* «Хрущевская оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 348.